

18 апреля – славный юбилей Александра Михайловича Калиха, журналиста, общественного деятеля, одного из основателей Пермского краевого отделения международного общества «Мемориал». АМК – так любовно называют его между собой друзья, коллеги, ученики...

Мы в редакции долго думали, как отметить в газете это событие? Опубликовать поздравления и пожелания на её страницах?! Но их будет столько, что даже и сдвоенный номер нашего «Вестника» не вместит! Стольким людям АМК помог, столько их, этих людей, захотят сказать слова признательности, любви и уважения. Решили так. Главное дело жизни Александра Михайловича – создание Пермского «Мемориала», который два с лишним года назад отметил своё тридцатилетие. Декабрьский выпуск 2018-го года журнала Уполномоченного по правам человека в Пермском крае «Человеческое измерение» был полностью посвящён юбилею организации. Большая статья Александра Калиха в этом уникальном издании называется «Мемориал»: вчера, сегодня и навсегда». Мы решили, что лучшим поздравлением АМК, будут выдержки из его замечательной публикации.

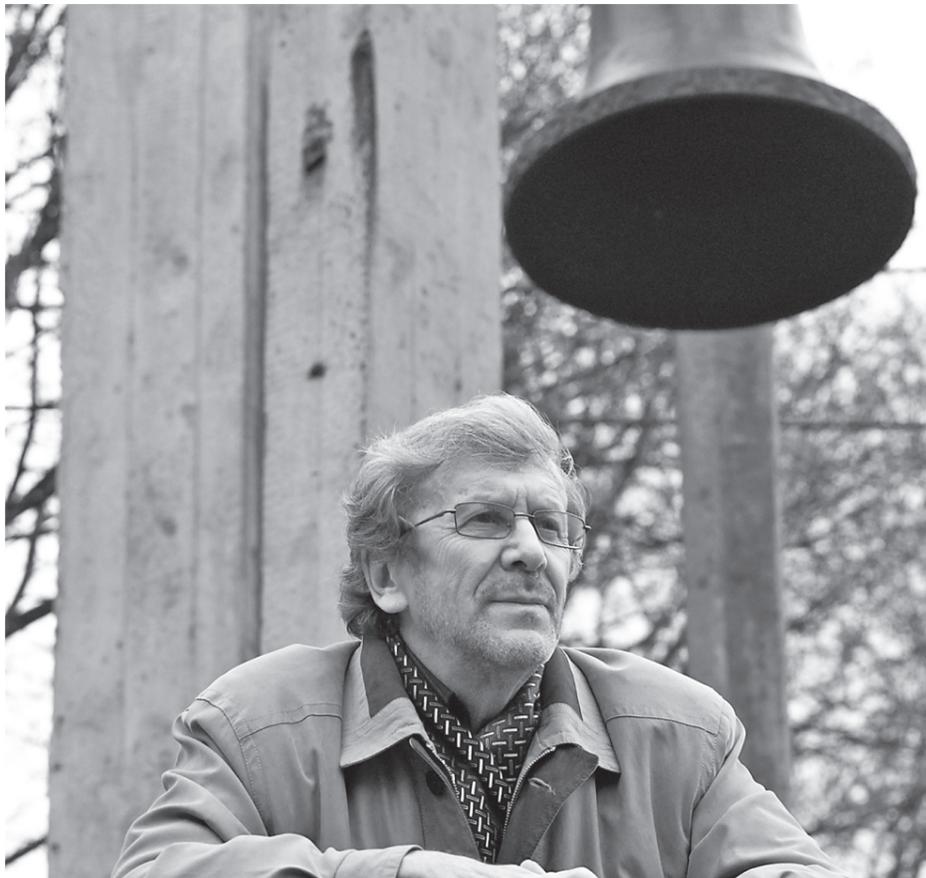
...С чего начинался «Мемориал» для меня? Сегодня кажется, он был со мной всегда, с самого детства. Может быть, с того момента, когда в конце 40-х годов отца, беспредельно преданного коммунистической идее человека, изгнали с работы. Целый год мы голодали. Его не принимали никуда, даже подсобным рабочим. Мы жили в странном, тревожном ожидании чего-то. Уже будучи взрослым, я узнал, что отец написал письмо Сталину. Отец просил защитить арестованного директора завода, старого коммуниста и своего давнего друга. Отец знал, что означает увольнение...

...А может быть, «Мемориал» начинался для меня в начале 1960-х годов в городе Кирове, где после окончания университета я делал первые шаги в журналистике. Ребята из моего клуба «Парус» нашли на чердаке дневники – две толстые книги, исписанные совершенно непонятным почерком. Целый год мы расшифровывали эти записи. Оказалось, их автором был директор областной библиотеки Муравьёв, арестованный в 1937-м году. Он записывал события своей жизни с 19-ти лет. Это был дневник-роман. Книга об испытаниях, которые пришлось пережить рядовому деревенскому паренюку... По сути, это был мой первый «Мемориал».

...А может быть, «Мемориал» начался для меня в тот день (кажется, это было в 1986-м году), когда в редакцию газеты «Звезда» пришла компания молодых людей во главе с ныне известным правозащитником, а тогда просто изгнанным из госуниверситета студентом-историком Игорем Аверкиевым. Чего вдруг угораздило нас, вполне сытым журналистам областной газеты, пригласить опасных радикалов, слухами о которых полнилась Пермь? И не просто пригласить, а столкнуть их в дискуссии с самыми известными в городе историками, преподавателями философии...

...Нет, всё-таки «Мемориал» для меня (и не только для меня) начался с городского дискуссионного клуба «Диалог».

АЛЕКСАНДР КАЛИХ: «НАМ ВСЕМ ДАВНО ПОРА СКАЗАТЬ ТРУДНУЮ ПРАВДУ О САМИХ СЕБЕ...»

Александр Калих возле памятника жертвам политических репрессий на Егошихинском кладбище Перми.

Фото: Дмитрий Окунцев

Это был 1987-й год. Короткая история «Диалога» ещё не нашла своего рассказчика. А между тем для традиционно спокойной Перми это был взрыв! Сотряслись партийные и советские органы, в приказном порядке они отправляли своих кадровых идеологов участвовать и «обязательно» побеждать в дискуссиях. Но как-то не побеждалось...

В ноябре 1988 года автор этих строк опубликовал в газете «Звезда» под заголовком «Долг памяти» беседу с прокурором области о том, почему в Пермской области приостановлена реабилитация жертв сталинских репрессий. В конце статьи я напрямую обратился к репрессированным: откликнитесь, расскажите о себе, о том, как всё было, как жили все эти годы... Никогда ещё в своей журналистской биографии я не получал такой огромной почты. Сотни откликов, писем-исповедей, переполненных страданием. Многие из тех писем газета опубликовала под рубрикой «Долг памяти» (кстати, позже эта рубрика переключалась в газету «Пермские новости» и вскоре – редчайший случай долгожительств в газетной практике – рубрика вместе с «Мемориалом» отметила своё 15-летие). Но был ещё один, совсем не побочный результат у той ноябрьской публикации: началась переписка активистов «Мемориала» с авторами откликов в газету...

День рождения Пермского «Мемориала» – 12 декабря 1988-го года. А 30 октября 1996-го года, в День памяти жертв политических репрессий, на Егошихинском кладбище был открыт памятник тем, кто стал жертвой системы насилия.

Памятник создавался на пожертвования тысяч людей. Сюда приходят не только в дни массовых митингов. Здесь, рядом с вечным покоем, можно посидеть одному, вспомнить прошлое, помянуть близких...

Здесь, у памятника, мы поминаем тех, кто поднимал «Мемориал», кто отдал ему годы своей жизни. Среди них – Израиль Абрамович Зекцер, основатель и первый председатель Ассоциации жертв политических репрессий. Он умер летом 2002-го года, умер неожиданно, на минуту оторвавшись от дел...

Многие годы мы говорили о преступлениях тоталитарного режима, невольно представляя народ как пассивную жертву власти. Мы утверждали, что эта власть, этот режим несут ответственность за все трагедии, происшедшие в XX веке. «Мемориал» и сегодня не отказывается от своих идей. Но всем нам давно пора сказать трудную правду о самих себе. Об ответственности народа. О том, как миллионы людей молчали, пособничали, доносили, лицемерили.

Сегодня россияне не хотят слышать эту правду, она очень болезненна, она требует мужества. Многие отмахиваются от неё, откладывают осмысление прошлого на «потом». Мы пытаемся объяснить молодым и немолодым людям, что забвение трагических и одновременно постыдных страниц личной истории каждого, истории страны создаёт возможность новых рецидивов прошлого.

Далеко не все нас понимают. Ну что ж, остаётся одно – работать. Тревожить совесть. Чтоб не выросло новое поколение молчаливых и пособничающих...

В НОМЕРЕ

Наталья КУЗНЕЦОВА:

«При лечении COVID-19 на дому в Пермском крае на средства, выделенные из резервного фонда Правительства РФ, закуплены противовирусные, антибактериальные, гормональные и антикоагулянтные препараты на сумму 172 млн. рублей. Бесплатно обеспечивают ими пациентов как с подтверждённым диагнозом «коронавирусная инфекция», так и с диагнозом, не подтверждённым лабораторно, но при наличии клинических проявлений и эпидемиологического анамнеза (когда были контакты с людьми, у которых этот диагноз подтверждён). Это относится ко всем категориям пациентов, в том числе к репрессированным».

Из интервью начальника управления по организации медицинской помощи взрослому населению Министерства здравоохранения Пермского края

Стр.2

Алексей ВОЛЫНЦЕВ:

«Мы эффективно взаимодействовали с Соликамской городской организацией российских немцев «Возрождение», руководил которым в то время Эдвин Александрович Гриб, видный деятель национального движения русских немцев, почётный гражданин города. Вместе мы вели большую поисковую работу... Одним из главных наших достижений стала установка памятника жертвам репрессий».

Из интервью руководителя Соликамского филиала Пермского «Мемориала»

Стр.2

Зинаида БУШУЕВА:

«Зимой ещё ходили и на озеро жать камыш: лагерь отапливался камышом. Была установлена норма. Мы старались не только выполнить норму, но и перевыполнить. Делали по полторы нормы. Конвой с нами на камыш не ходил. Были только бригады из заключённых. Целый день в снегу. Ходили в ватных брюках и ватных куртках. На ногах тряпочные бурки».

Приходили вечером все промокшие, голодные. Утром давали по 400 г хлеба и баланду. Не знали, что делать с хлебом: съесть утром или оставить на вечер...»

Из воспоминаний жены «врага народа»

Стр.3

«12-Й КИЛОМЕТР»

«...Стоит мемориальный комплекс, находящийся в ужасном состоянии. Место памяти и скорби... Рядом с ним находится стрельбище «Динамо». Через дорогу от стрельбища хотят вырубить 51 гектар леса и начать строить гигантский биатлонный комплекс... Построят его и, возможно, соединят ещё с базой «Динамо». И там, неподалёку, будет наш маленький заброшенный мемориал, где захоронено около 20 000 человек...»

Мнение Кристины Хакер, члена «Уральского Мемориала», Екатеринбург

Стр.4

ОФИЦИАЛЬНО

НАТАЛЬЯ КУЗНЕЦОВА:

«ЗДОРОВЬЕ РЕПРЕССИРОВАННЫХ – НА КОНТРОЛЕ. НЕСМОТРЯ НА ПАНДЕМИЮ»

В Перми состоялось заседание городской комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий и увековечению памяти жертв политических репрессий. О том, как в коронавирусном 2020-м году было организовано медицинское обслуживание репрессированных, а также об обеспечении их лекарственными средствами рассказала Наталья Кузнецова – начальник управления по организации медицинской помощи взрослому населению Министерства здравоохранения Пермского края.

– Диспансеризацию люди такого возраста должны проходить ежегодно. Но уже второй год мы живём в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. Как отразилась эта ситуация на диспансерных осмотрах репрессированных?

– Из-за пандемии проведение диспансеризации в крае было приостановлено в конце марта 2020 года и возобновилось лишь в августе. Правда, и тогда лица старше 65 лет в связи с продолжавшимися действиями в отношении них ограничениями в поликлиники на профилактические мероприятия не приглашались. Медосмотры с проведением необходимых лабораторно-инструментальных обследований они проходили, как правило, на дому. В итоге диспансеризацией в прошлом году удалось охватить 519 репрессированных, или 87,5 % лиц этой категории, состоящих на диспансерном учёте. После медосмотров все они получили амбулаторное лечение.

– Какие заболевания выявлялись у них чаще всего?

– Отдельно по репрессированным статистики нет. Но если взять всех взрослых в Пермском крае (начиная с 18 лет), прошедших диспансеризацию в 2020 году, то у 5,5% из них повышенный уровень артериального давления, у 6,2% – гипергликемия, т.е. повышенное содержание сахара в крови, у 57,7% – избыточная масса тела. А это основные факторы риска, которые ведут к развитию хронических неинфекционных заболеваний.

СО СКИДКОЙ И БЕСПЛАТНО

– Насколько плотно в эпидемиологически непростом минувшем году работали с репрессированными медицинскими учреждениями города?

ДИСПАНСЕРИЗАЦИЯ – ПО ПЛАНУ

– Наталья Николаевна, понятно, что пациенты указанной категории – люди пожилые. Наверняка большинство имеют различные заболевания?

– Конечно. По данным медицинских учреждений города, на диспансерном учёте на 1 января 2021 года состояло 593 человека, относящихся к категории реабилитированных и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий. При этом 45 % из них – люди старше 80 лет. Инвалидами являются 189 человек: I группу имеют 13 человек, II группу – 141, III группу – 35.

Вопросы медицинского и лекарственного обеспечения этих пациентов находятся на контроле в Министерстве здравоохранения Пермского края и медицинских организациях Перми. Все они получают первичную медико-санитарную помощь в государственных, федеральных и частных медицинских организациях, работающих в рамках Территориальной программы госгарантий бесплатного оказания медпомощи.

– В стационарах медучреждений пролечились 119 человек, в дневных стационарах – 51, в Пермском краевом госпитале для ветеранов войн – 126.

– Среди пациентов данной категории немало тех, кто по состоянию здоровья может лечиться только в домашних условиях. Что с ними?

– Они тоже не забыты. Нуждающиеся в посторонней помощи получали медицинское обслуживание на дому. А для 69 человек были организованы «стационары на дому» – с проведением обследования, лечения и консультации по показаниям врачей-специалистов и заведующих участковыми отделениями.

– Являясь региональными льготниками, реабилитированные лица и лица, признанные пострадавшими от политических репрессий, имеют скидку на лекарства?

– Да, в соответствии с нормативно-правовыми актами им предоставляется государственная социальная помощь в форме соцслужбы по лекарственному обеспечению. А именно: скидка 50 % от стоимости лекарственных препаратов по рецептам врачей при амбулаторном лечении. В

2020-м году лекарств за половину стоимости этим пациентам было отпущено по 358 рецептам на сумму 82187,41 рублей.

Репрессированные же, являющиеся одновременно инвалидами I – III группы, входят в категорию федеральных льготников. Им положена ежемесячная денежная выплата (ЕДВ) с входящим в неё набором соц. услуг – лекарства по рецептам врачей, отпускаемые бесплатно.

С КОВИДОМ НА ДОМУ

– Расскажите, пожалуйста, об обеспечении пациентов лекарственными средствами при лечении COVID-19 на дому.

– Для этого в Пермском крае на средства, выделенные из резервного фонда Правительства РФ, закуплены противовирусные, антибактериальные, гормональные и антикоагулянтные препараты на сумму 172 млн. рублей. Бесплатно обеспечивают ими пациентов как с подтверждённым диагнозом «коронавирусная инфекция», так и с диагнозом, не подтверждённым лабораторно, но при наличии клинических проявлений и эпидемиологического анамнеза (когда были контакты с

людьми, у которых этот диагноз подтверждён). Это относится ко всем категориям пациентов, в том числе к репрессированным.

– Кто назначает и доставляет такие лекарства?

– Назначает лечащий врач или фельдшер – по медицинским показаниям, с учётом противопоказаний к применению и индивидуальных особенностей больного. А доставляют их на дом выездные бригады, осуществляющие лечение и мониторинг пациентов с новой коронавирусной инфекцией и внебольничными пневмониями либо бригады неотложной помощи. Также возможна доставка волонтерами. Лекарственные препараты выдаются на пять дней лечения, далее – по медицинским показаниям.

Вера ШУБАЕВА

НУЖНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ

258-07-87: горячая линия Минздрава Пермского края по коронавирусу

241-44-44 (круглосуточно): горячая линия по обезболиванию

8 800 2008 911 (круглосуточно): телефон психологической помощи

ВЕКТОР

Соликамский филиал Пермского «Мемориала» начал свою деятельность в 2005-м году.

– Мы с первых дней активно взаимодействовали с территориальным отделом Министерства социального развития, совместно добились статуса детей репрессированных с соответствующими льготами для многих жителей Соликамска и Соликамского района, – вспоминает его создатель Алексей Волинцев. – Ходили на сплавы от Сурмога до Симы – мест заключения, куда отправляли репрессированных со всего Советского Союза. Во время этих поездок разговаривали со старожилками, пополняя рассказами и но-

выми фактами историю этого периода.

Эффективно взаимодействовали с Соликамской городской организацией российских немцев «Возрождение», руководил которым в то время Эдвин Александрович Гриб, видный деятель национального движения русских немцев, почётный гражданин города. Вместе мы вели большую поисковую работу, выступали в образовательных учреждениях. Одним из главных наших достижений стала установка памятника жертвам репрессий.

Волею судеб Алексей Владимирович уехал из города, и девять лет Соликамский фи-

лиал «Мемориала» возглавлял ветеран журналистики Николай Федосеев.

– Мы продолжали работать по заданному Алексею и краевой организацией вектору, но я понимал, что у руля должен стоять более молодой лидер, – говорит Николай Филаретович. – Поэтому несканно обрадовался, когда в Соликамск вернулся Алексей Владимирович. И я пару месяцев назад передал ему все дела и планы.

– Сегодня мы активизируем работу по изучению истории политических репрессий в Прикамье в годы советской власти, – знакомит с планами Алексей Волинцев. – Мы

уже провели встречу с общественностью, на которой присутствовали дети репрессированных. Спланировали деятельность общества, намечая пока программу-минимум, к обсуждению проблем подключились не только дети репрессированных, но и активные пенсионеры, неравнодушные жители Соликамска.

В планах – поисковая работа, передвижные выставки, встречи с молодёжью с привлечением детей репрессированных (даже на первой встрече мы услышали трагичные истории семей, попавших в жернова репрессий). Возможно, примем участие в краевых проектах, та-

ких как, к примеру, «По рекам памяти». Это тоже ценно для общества: во время коротких по времени исследовательских краеведческих разведок по территории края можно собрать не один материал по истории политических репрессий советского периода, прежде всего – в формате записи «устной» истории репрессированных. А при посещении мест бывших спецпосёлков и лагерей ГУЛАГа – установить там памятные знаки. Также списки репрессированных будут размещены в газете «Соликамский рабочий» и на сайте «PRO Соликамск».

Ольга ПРОЗОРОВА

ИНИЦИАТИВА И ПОИСК

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

«ВАША СТАТЬЯ – ВРАГИ НАРОДА»

Самого В. Г. Бушуева реабилитировали в 1957-м году. Заявку на установку самой первой мемориальной таблички в Перми, расположенной на доме номер 26 по улице Адмирала Ушакова, подала именно А. В. Бушуева. Было это в августе 2015-го года: так в Пермском крае начался проект «Последний адрес».

В электронной Книге памяти жертв политических репрессий Пермского «Мемориала» опубликованы воспоминания дочери и жены «врага народа». Сегодня мы публикуем горькие строки воспоминаний Зинаиды Максимовны Бушуевой, которая отбывала срок как ЧСИР, «член семьи изменника родины». Отбывала она его в знаменитом АЛЖИРе, Акмолинском лагере жён изменников родины. В зоне по среди казахской степи.

...Я, Бушуева Зинаида Максимовна, родилась 24 сентября 1906 года в Соликамском районе. Школу-семилетку окончила в Соликамске, затем двухгодичные бухгалтерские курсы в г. Перми. Всю жизнь работала бухгалтером, бухгалтером-ревизором, главным бухгалтером. В данный момент пенсионерка. В 1932-м году вышла замуж за Бушуева Владимира Георгиевича, уроженца города Очёр. Родители мужа в Очёре имели свой дом. Владимир Георгиевич работал в Камском речном пароходстве. Последнее место работы его – судостроительный завод «Кама» в Судозаводе, т. е. в Нижней Курье. Мы и жили в Судозаводе, имели двухкомнатную квартиру.

Детей у меня было трое: две дочери и сын (сын родился после ареста мужа).

Я работала бухгалтером в больнице, с дочерьми нянчилась няня-старушка.

17 июля 1937-го года я поехала в Пермь по служебным делам. Муж предложил купить билеты в театр. Шла новая постановка «Как закалялась сталь». Выполнив все служебные дела, я поехала домой. Проходя мимо работы мужа, зашла к нему, но кабинет был закрыт, и секретарь не сказала, где он. Муж работал тогда начальником теплотехнической партии. Сдали шесть пароходов для канала Москва-Волга. Я пошла домой. Проходя мимо окон, заметила, что все книги разбросаны, и газеты, и бумаги – в комнате беспорядок.

Спрашиваю у бабушки, что искал Владимир. Она плачет. Приходит соседка и говорит, что у нас был обыск, а Владимира арестовали и увезли.

В те годы арестовывали прямо у проходной. Арестовали многих рабочих, специалистов, был арестован и директор завода.

Меня прорабатывали на профсоюзном собрании за мужа, исключили из профсоюза, и сразу же от меня все отвернулись. Из квартиры нас выселили, перевели в барак, в комнату 10 кв.м, а нас было четверо: двое детей, я и няня. После ареста мужа на следующий день я поехала его разыскивать. Поехала в управление водного транспорта, но ничего там не узнала.

Разыскала его случайно, он сидел в камере и знал, что я его буду искать, и встал на окно. Теперь в этом здании железнодорожный техникум. Мне разрешили с ним свидания, но они проходили в присутствии следователя, и говорить разрешалось только о домашнем, о детях. Следователь был знакомым мужа, учились вместе, Новосёлов.

Прихожу я на очередное свидание 12 января 1938-го года, муж говорит: «Если придешь в следующий раз, меня, возможно, не будет, не разрешат свидание, ты не бегай, меня не разыскивай».

В марте мы поздравляли с днём 85-летия Ангелину Владимировну Бушуеву, которая много лет возглавляла Свердловский районный филиал Пермского «Мемориала». Ангелина Владимировна – дочь репрессированного в годы Большого террора Владимира Георгиевича Бушуева, арестованного по доносу в 1937-м году, обвинённого «тройкой» в антисоветской деятельности и расстрелянного 17 января 1938-го года.

Зинаида Максимовна Бушуева.

14 февраля я приехала на свидание с мужем, меня не приняли, прошёл мимо Новосёлов, не здоровается, не обращает на меня внимания. Подходит дежурный и говорит, что свидание не разрешается, что Бушуева здесь нет.

Я поехала разыскивать в пересыльную тюрьму и там ничего не узнала о нём. Так муж и пропал в неизвестности. Что делать? Поехала домой, в Нижнюю Курью. А вечером родила сына. Это было 14 февраля 1938-го года. Как жить дальше? Поехала к матери в Пермь. Мама жила с сыном, моим братом Виталием, в комнате с подселением. Комната 18 кв. метров. Мама приняла меня с детьми. Спали на полу. Я не работала. Потом по знакомству устроилась работать счетоводом. Меня несколько раз вызывали в управление, разговаривали и отпускали. Видимо, арестовать совесть не позволяла, у меня был грудной ребёнок и дочери маленькие, старшей четыре года, младшей два года.

В августе 1938-го года мама уехала с братом по малину, я с детьми была дома одна. Ночью приехал «чёрный ворон», следователь, понятые, предложили мне ехать с детьми до управления на несколько часов. Я ушла в летнем платье, сын был в одной рубашке и пелёнке, девочки – в летних платьях. Обратили мы не вернулись. В управлении следователь, написав протокол, стал звонить по телефону в детские учреждения, определять дочерей. Говорит: «Мать срочно уезжает из города, нужно устроить девочек». Нелю он определил в детский сад, Алю – в дом ребёнка. Пришёл дежурный забирать их, они держались за мой подол, плакали. Дежурный отобрал их и увёл. Я осталась с сыном Славой, ему было всего полгода. Нас посадили в «чёрный ворон» и увезли в пересыльную тюрьму. В тюрьме у меня взяли отпечатки пальцев. Я была как безумная, ничего не понимала. Меня стали обыскивать, искали иголки. Какие иголки? Только что оторвали двоих детей, я реву, а они ищут какие-то иголки. Поместили меня в палату при тюремной больнице. В палате со мной была женщина-уголовница, всё просила у меня Славу, говорила: «Тебе в этапе одной легче будет». Но разве я могла отдать последнего ребёнка? И так я с ним прошла пять пересыльных тюрем...

В Курганской пересыльной тюрьме, началась переключка. Надо было отвечать фамилию, год рождения и какая статья, за что судим, свой срок. Мы не знаем своей статьи и за что осуждены. Конвой сердится, материт нас, кричит: «Ваша статья – «враги народа»...

В Петропавловской тюрьме мы были недолго. Ночью нас вызвали на этап и сказали, что будет последняя тюрьма – Акмолинск. Из Акмолинской тюрьмы

Сёстры Неля и Ангелина Бушуевы. 1937-й год. Этот снимок их мама – Зинаида Максимовна – передала арестованному мужу во время свидания в тюрьме.

нас на машинах повезли на 26-ю точку, где наш лагерь.

В кузове нас было двое: Катя с девочкой и я с сыном. Уже был сентябрь месяц, холодно. Мне Катя дала кофту. Бросили нам сено. Я Славу закутала в кофту и укрыла сеном. Ехали 60 км по степи. Было страшно холодно. Приехали в лагерь ночью. Поместили нас в изолятор. Слава заболел, было у него крупозное воспаление лёгких. Медициментов нет, ребёнка не лечили, надеялись на его организм. Сын справился с болезнью.

...Лагерь наш находился в степи, обнесён высоким забором, колючей проволокой. Летом была страшная жара, а зима холодная, с буранами. В столовую ходили по верёвочке, чтоб не замело бураном.

Мы были лишены всякой переписки, оторваны от всего мира. Мама не знала, где я, я не знала, где мои дочери.

В лагере нас, женщин, было 12 000 всякой национальности. Были женщины с высшим образованием и домашние хозяйки. Народ трудолюбивый, выносливый, несмотря на всякие переживания.

Со Славой (сыном) я просидела до весны. Потом в лагере открыли детские ясли-садик, так как матерей прибавилось: кого из дому отправили с ребёнком, кто родил в дороге. Забрали наших детей. Свидание разрешали раз в месяц. Дети начали отвыкать от родителей. Мне предложили работу в бухгалтерии, я отказалась. Боялась потерять разум. Отдала троих детей, нет мужа. Как тут выжить! Пошла на самую тяжёлую работу, физическую. Зимой была на снегозадержании в степи, мы ходили туда при любых морозах. Охранял нас конвой, два человека, а нас было человек 100. Выводили за зону, в степи. Нас оставляли работать, а сами уходили в тёплые места. Конвой говорил: «Никуда вы не убежите, кругом степь, бегом побежите в зону».

Так мы и работали. Зимой ещё ходили и на озеро жать камыш: лагерь отапливался камышом. Была установлена норма. Мы старались не только выполнять норму, но и перевыполнить. Делали по полторы нормы. Конвой с нами на камыш не ходил. Были только бригады из заключённых. Целый день в снегу. Ходили в ватных брюках и ватных куртках. На ногах тряпочные бурки.

Приходили вечером все промокшие, голодные. Утром давали по 400 г хлеба и баланду. Не знали, что делать с хлебом: съесть утром или оставить на вечер. Выручали швейники – женщины. Они нам, «наружным рабочим», клали свой хлеб под подушки. А мы и рады были добавкам и благодарили женщин. Мы же приходили озябшие. Сушилок не было. Сушили, как придётся. Развесим на нарах, а бельё к утру и не высохнет. Потом придумали спать на сыром, сушили своим телом что можно. Утром уходили на работу в непросушенном белье.

Переписку нам разрешили в лагере через четыре года, и то только тем, у кого дети были в детдомах, чтобы разыскать их. Так я наугад написала в дом ребёнка в Перми. Мне пришёл ответ, что моего ребёнка забрали родственники, кто – не сказали.

Оказывается, мама разыскала дочерей и забрала их. Потом уж мне рассказали, как их нашли...

После смерти Сталина началась реабилитация. Я вернулась в Пермь, жили на квартирах, дети продолжили учёбу. В 1957-м году меня реабилитировали. Получив справку, я начала хлопотать насчёт квартиры, дали пособие денежное с последнего места работы до ареста, купили всем по пальто, жили до этого на квартирах. За угол приходилось платить 30 рублей. А угол был таков: одна кровать, столик и стул.

Аля окончила техникум и уехала в Соликамск. Мы жили втроем. Слава работал и учился в вечерней школе, Неля работала. Спали на кровати по очереди. Один на кровати, двое на полу...

В Дзержинском ЖКО (я жила до ареста в Судозаводе) мне не отказывали, но и не давали квартиру. Меня научили написать в обком партии. Я всё подробно описала и с заявлением опустила письмо в пятницу, а в понедельник уже меня вызвали за получением ордера на квартиру к начальнику ЖКО Дзержинского района. Дали комнату с подселением в коммунальной квартире без всяких удобств. На 18 кв.м. Но мы так были рады! Своя квартира! Аля вернулась из Соликамска, Неля работала в больнице, Слава – на телефонном заводе. Это было в ноябре 1957-го года. Прошло 20 лет! Слава ушёл в армию, Неля вышла замуж и уехала в Севастополь.

Когда Слава пришёл из армии, я подала заявление о расширении жилплощади. И нам дали двухкомнатную квартиру в Закамске. Так закончились все мои хождения по мукам, в феврале 1963-го...

В 1957-м году я получила справку о реабилитации мужа посмертно и денежное пособие с его места работы в сумме его заработка в Судозаводе, а позднее получила по списку за конфискованное имущество деньги. Но какой это был список, там и половины имущества не было записано. Всех денег нам хватило только для покупки всем пальто: девочкам зимние, а нам с сыном демисезонные, тумбочку-этажерку да кровать. И то тогда мы были рады и этому...

P.S. Бушуева Зинаида Максимовна, записавшая эти воспоминания, умерла 25 апреля 1992-го года в возрасте 85-ти лет в Перми.

Публикуется с сокращениями. Фото из архива Пермского «Мемориала»

ПРОБЛЕМА

Многие жители нашего региона знают про мемориальный комплекс «12-ый километр», что рядом с Екатеринбургом. Множество плит с бесконечными списками имён воздвигнуты на месте массового захоронения жертв сталинского террора, расстрелянных в 1937-1938-м годах. Покоятся там и пермяки, чьи дети, внуки и правнуки ежегодно посещают это место, чтобы отдать дань памяти.

И вот в непосредственной близости с мемориальным комплексом планируется возвести комплекс спортивный. По задумке некоторых екатеринбургских властей имущих, биатлонная трасса и прочая спортивно-развлекательная инфраструктура должны появиться в месте памяти и скорби. О складывающейся ситуации мы говорим с **Кристиной Хакер** – членом «Уральского Мемориала» (г. Екатеринбург).

– **Кристина, расскажи немного о себе, о своей работе.**

– Я живу в Екатеринбурге. Пришла в «Мемориал» после того, как создала проект «Краслаг»: это о бывшем отделении ГУЛАГа в Красноярском крае. В «Ельцин-Центре» на кинопоказе мы познакомились с Анной Пастуховой, председателем «Уральского Мемориала». Про «12-й километр» я не знала. У нас в Сибири люди отбывали наказание, а здесь, на «12-ом километре», людей расстреливали. История «12-го километра» постоянно обсуждалась в моём окружении, и я начала заниматься этой темой сама. Проблема в том, что жители Екатеринбурга не знают, что там творится, не ведают, что там нашли останки людей...

– **А для тебя лично «12-й километр» – это что?**

– Для меня? Когда я год назад там впервые побывала, я почувствовала, что это заброшенное место, где неприкаянные души людей, даже непонятно где похороненных, забытые... Они словно никому и не нужны.

Со стороны властей – одна «говорильня». Сам мемориальный комплекс в ужасном состоянии. На биатлонные проекты почему-то деньги могут выделить, а на мемориальный комплекс – нет. Проект биатлонного комплекса уже готов! Того комплекса, который будет находиться рядом с мемориалом!

– **Что именно сейчас там происходит? Этот сюжет ведь развивается уже не первый год...**

– Стоит мемориальный комплекс. Рядом с ним, уже давно, находится стрельбище «Динамо». Даже есть такая остановка общественного транспорта. Через дорогу от стрельбища хотят вырубить 51 гектар леса. Должны это сделать до конца апреля. И затем начинают этот ги-

гантский комплекс строить... Построят его и, возможно, соединят ещё с базой «Динамо»...И там, недалеко от них, будет маленький заброшенный мемориал, где по слухам захоронено около 20 000 человек.

– **То есть жизненно важно для людей место памяти будет соседствовать с огромным развлекательным биатлонно-спортивным комплексом?**

– Да. Там будут шуметь. Шуметь там, где шуметь нельзя. Это место памяти, а не место веселья. А там – домики, «шашлыки», развлечения... Весело всё будет.

– **Как мы все понимаем, биатлон – это в том числе, и выстрелы. А выстрелы – это последнее что видели захороненные на «12-м километре»... А какие альтернативные варианты вы предлагаете?**

– Мы предлагаем, во-первых, определить границы захоронений. Потому что то, что было определено в 2019-м году – сделано в максимально короткие сроки, утверждается, что якобы непосред-

ственно на участке строительства биатлонного комплекса захоронений нет. Во-вторых, мемориальному комплексу нужен ремонт, нужны подъездные пути. Люди туда не могут доехать никак. Ходит только один автобус до остановки «Стрельбище «Динамо»...

Это главное наше требование – определить границы захоронений. Когда родственники обращаются в ФСБ с просьбой представить им карту захоронений, им отвечают, что карты захоронений нет, но есть место – «12-й километр»... Туда и отправляют.

– **По данным Пермского «Мемориала» в годы Большого террора были расстреляны 7474 пермяка. Минимум. Большинство из них покоятся на «12-м километре». Я знаю, что у тебя есть просьба к потомкам этих расстрелянных людей, которые живут в Перми и Пермском крае...**

– Мы создали сайт, рассказывающий о том, что сейчас происходит – 12memorial.com. Это сайт, где описана проблема и где говорится, как люди могут повлиять на ситуацию, куда они могут обратиться, что можно сделать. Мы хотим, чтобы нас поддержали родственники покоящихся на «12-м километре», написав обращения, адресованные властям, губернатору. Чтобы власти поняли, что это мнение не только одних активистов. Мы готовы помочь написать, в том числе и юридически, такие обращения.

На сайте также есть наши контакты: телефон +7 (950) 427-22-77, e-mail info@12memorial.com.

Иван ВАСИЛЬЕВ

Фото с сайта 12memorial.com

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Вычеркнутые из памяти

Наш сегодняшний обзор – о книге британского исследователя Дэвида Кинга «Отретушированная история. Фальсификация фотографий и произведений живописи в империи Сталина». Найти типографский экземпляр этого издания не просто: в Перми, по нашим сведениям, книга имеется только в публичной библиотеке Пермского «Мемориала».

Дэвид Кинг в 1960-е годы закончил дизайнерское отделение лондонского Книгоиздательского колледжа, был художником-редактором в издании «The Sunday Times Magazine», но больше всего интересовался политической историей Советского Союза. Многие годы автор этого уникального альбома потратил на то, что искал и собирал портреты лидеров партии, комсомольских деятелей, чьи имена были вычеркнуты из памяти целого поколения.

Фальсификация публикуемых в книгах, журналах и газетах фотографий началась в России ещё до 1917-го года, но лишь после убийства Кирова стала явлением повсеместным. Последовавший далее Большой террор 1937-

1938-х годов стирал людей не только физически, но и ментально. Специфическим механизмом такого забвения было изъятие «вражеской» литературы из библиотек и «вымарывание» портретов недавних творцов революции: «Острым скальпелем вырезались контуры фигур или предметов, соприкасающихся на снимке с подлежащей удалению личностью. Затем фигуры приклеивались на нужное место. Вырезанные контуры тщательно подправлялись краской или чернилами... И вот уже не было видно никаких следов вмешательства». Вместо ретуши часто использовали «ампутацию» лишних частей изображения на фото, что позволяло создавать, по сути, новые картинки. Причём иногда одна и та же фотография могла подвергаться «корректировке» два-три раза и более, что фактически отражало политическое положение в стране: сегодня, например, товарищ Н. признаётся «враждебным элементом» с приговором к высшей мере, а спустя полгода-год подпадает под реабилитацию с возвращением честного имени и правом быть представленным общественным массам.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ЮБИЛЯРЫ АПРЕЛЯ

Правление Пермского «Мемориала» от души поздравляет юбиляров – мемориальцев, бывших репрессированных и их родственников, которые отмечают круглые даты

В апреле своё 90-летие празднуют **Елена Кирилловна Денисова** и **Маргарита Владиславовна Райс** из Мотовилихи, **Александра Николаевна Батятина** и **Иван Андреевич Остаев** из Кировского района Перми.

Своё 85-летие отмечают **Геннадий Кириллович Бойков** и **Людмила Михайловна Казаринова** из Кировского района краевого центра, **Зинаида Николаевна Иванникова** из Краснокамска и **Борис Александрович Дельва** из Добрянки.

80-летие справляют **Александра Степановна Воронова** и **Гари Карлович Гоманн** из Мотовилихи, **Тамара Васильевна Каравеева** из Кудымкара и **Нурье Левдикова** из Добрянки.

75 лет исполняется **Марии Ивановне Зыковой** из Свердловского района Перми.

70-летие празднуют **Людмила Михайловна Павлова** и **Ирен Ивановна Солодарь** из Мотовилихинского района краевого центра и **Михаил Дмитриевич Ясницкий** из Добрянки.

Живите долго и будьте счастливы!
Пермское краевое отделение общества «Мемориал»
+7 (342) 282-54-42, 281-95-59

Информационный бюллетень Пермского краевого отделения общества «Мемориал»

Редактор Татьяна Черепанова. Редакционная коллегия: Иван Васильев, Дмитрий Окунцев, Роберт Латыпов. Тел. (342) 282-54-42.

Тираж 999 экз. Отпечатано в типографии «Типограф», Россия, 618540, Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17. Подписано в печать 19.04.2021 Заказ №55

Все выпуски «Вестника «Мемориала» можно прочитать на сайте Пермского «Мемориала» <http://pmem.ru>

Пермский «Мемориал» НЕ ВКЛЮЧЁН в реестр общественных организаций – «иностранных агентов». Однако поскольку наша организация входит в структуру Международного Мемориала, который включён в данный реестр, то мы в соответствии с новыми требованиями российского законодательства вынуждены маркировать нашу продукцию текстом следующего содержания: «Материалы (информация) произведены, распространены и (или) направлены учредителем, членом, участником, руководителем некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, или лицом, входящим в состав органа такой некоммерческой организации».

Отметим также, что Международный Мемориал не согласен с этим решением Минюста РФ, и оно оспаривается в суде.